

А. М. ДЕБОРИН

ЗАМЕТКИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ЭВОЛЮЦИИ
НАУЧНЫХ ПОНЯТИЙ И ТЕРМИНОВ

Всякая наука оперирует определенными понятиями, которые составляют самое существенное орудие познания. Без понятий, притом отвлеченных понятий, нет науки. Научные абстракции должны выражать существенную природу данного явления. Отбросив все случайное и несущественное, мы получаем то, что составляет сущность явления, то, что составляет его понятие. Способность человека создавать такие абстрактные понятия дала ему возможность завоевать природу, стать ее господином. Приобретение этой способности знаменовало подлинно революционный переворот в сознании и жизни человека.

Переход к отвлеченному мышлению, к мышлению понятиями представляет собою эпоху в истории человечества. Развитие способности человека к образованию абстрактных понятий связано с развитием орудий труда. Уже Л. Нуаре выдвинул ту мысль, что орудие труда отличается характером «общей идеи», характером универсальности¹.

Процесс развития отвлеченных понятий представляет одну из важнейших глав в истории человеческой мысли. Чем больше развиваются материальная культура, производство и техника, а вместе с ними и производственные отношения и отношения классов, чем больше развивается духовная культура, тем более духовный мир противопоставляется миру материальному как мир совершенно самостоятельный.

На этой же основе происходит отделение умственного труда от труда физического. Этот переворот становится возможным благодаря новой форме мышления, прежде всего благодаря развившейся в высокой степени способности человека к образованию отвлеченных понятий.

Идеалистическая философия исходит из признания готового, застывшего состояния сознания с какими-то вечными застывшими категориями и формами. В основу учения о языке и мышлении мы, вслед за классиками марксизма-ленинизма, кладем принцип развития, изменения, движения.

На примитивной ступени развития мышления всякое понимание предмета сводится к его непосредственному чувственному схватыванию. Желая подчеркнуть способность человека, мы говорим: он быстро схватывает, т. е. понимает, постигает. Таким образом, познание вещей означает схватывание их руками. Лат. *comprehensio* означает «схватывание» и «понимание» и даже просто «понятие». О том же самое говорит и франц. *comprendre* «обнимать» и «понимать». Здесь в основе познания лежит чувственно-осознательное восприятие, главным органом которого является рука. Мышление носит конкретный, чувственный и образный характер. Отвле-

¹ См. L. Noiré, Das Werkzeug und seine Bedeutung für die Entwicklungsgeschichte der Menschheit, Mainz, 1880, стр. 153.

ченное мышление еще не существует, ибо отвлеченное мышление теснейшим образом связано с словесным выражением, т. е. с звуковой речью, с понятиями.

Развитие мышления совершается путем перехода от схватывания к пониманию, от указания к доказыванию, как говорит Э. Кассирер¹. На ступени логического мышления познание теряет свой непосредственный характер и приобретает характер опосредствованный через понятия, суждения и умозаключения. В этом именно и состоит эволюция человеческого разума.

Человек в труде формирует не только внешнюю природу, но и свое мышление. Наши познавательные категории, отвлеченные понятия, которые могут быть поставлены по своему значению и роли наряду с искусственными орудиями труда, возникают первоначально из непосредственного процесса производства. «Производство идей, представлений, сознания, — писали Маркс и Энгельс в „Немецкой идеологии“, — первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением материального отношения людей»².

На основе практической деятельности возникают и развиваются одновременно язык и мышление. Мыслить (*cogitare*) первоначально означало «совместно работать» (*cogito—co-agito*)³. В основе деятельности первобытного человека лежат две основные противоположные функции: разложение и соединения, раздирання (рытье) и связывания (плетение). Человеческий разум поступает точно таким же образом. Отсюда анализ и синтез. «...Уже разбивание ореха, — говорит Энгельс, — есть начало анализа...»⁴. Мышление, согласно Энгельсу, состоит в разложении объектов на их элементы и в соединении родственных между собою элементов в единство⁵.

Наставшая на особом подходе к выяснению, анализу и объяснению категорий мышления, Энгельс считает основой человеческого мышления деятельность, изменение природы человеком. Разум человека, говорит Энгельс, развивался соответственно тому, как человек научался изменять природу. Маркс и Энгельс отвергли ту точку зрения, согласно которой только природа действует на человека, и противопоставили ей новую, в соответствии с которой человек воздействует обратно на природу, изменяет ее и создает себе новые условия существования. Это воззрение имело решающее значение как для понимания исторического развития человека, так и для понимания того, что изменение человеческого природы влияет на его мышление.

Ленин дальше развил учение о связи теории с практикой. «...Практика человека, — говорит он, — миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики»⁶. Это относится и ко всем категориям диалектики. «Деятельность человека, составившего себе объективную картину мира, — пишет Ленин, — *изменяет* внешнюю действительность, уничтожает ее определенность (= меняет те или иные ее стороны, качества), и таким образом отнимает у нее черты кажимости, внешности и ничтожности, делает ее само-в-себе и само-для-себя сущей (= объективно истинной)»⁷.

¹ E. Cassirer, Philosophie der symbolischen Formen, Teil 1, Berlin, 1923, стр. 127.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 2-е изд., т. 3, стр. 24.

³ См. М. Мюллер, Наука о мысли [перевод с англ.], СПб., 1891, стр. 1.

⁴ Ф. Энгельс, Диалектика природы, Госполитиздат, 1952, стр. 176.

⁵ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1951, стр. 40.

⁶ В. И. Ленин, Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 188.

⁷ Там же, стр. 189—190.

В этой связи большой научный интерес представляет исследование происхождения категорий времени и пространства. Данные категории, являющиеся с точки зрения Канта и его последователей априорными формами созерцания, с марксистской точки зрения исходят по своему происхождению к человеческой практике и никоим образом не представляют собою априорных форм. Первоначально время и место в человеческом представлении слиты воедино: время как длительность жизни человека или человеческого рода связывается с общим местом селения, со «стоянкой».

Л. Гейгер указывает, что древнееврейское существительное *dar* «поколение, род» имеет глагольную форму *dir* «иметь пребывание в определенном месте». Арабское *amḡin*, *imḡin* означает «жизнь», «долгое время», «долгий век», а *imḡân* — «поселенное место»¹. Нем. *Welt* от *Weralt* и англосаксонск. *weorold* (*world*) составилось из гот. *waîr* «человек» и *alds* «поколение, возраст», латинские слова *templum* «храм», «дом божества» и *tempus* «время» также указывают на первоначальную связь и единство времени — места².

Вся деятельность людей связана теснейшим образом с определенным, конкретным местом, имеющим к тому же свою качественную характеристику. Из конкретных, локальных различий постепенно развивается отвлеченное понятие пространства. Необходимо в этой связи отметить, что все интеллектуальные, духовные процессы и отношения выражаются словами пространственно-материальных значений. Слова, обозначающие пространственные понятия, служат для обозначения самого субъекта и ограничения его от других субъектов³.

Наречия места «здесь», «тут» и «там» послужили основой для трехчленной дифференциации лица «я», «ты», «он». Почти во всех языках, говорит Кассирер, наречия места послужили исходным пунктом для личных местоимений⁴. Из представления пространства выделилось представление времени с его также трехчленным разделением «теперь», «раньше» и «позже», соответствующее трем пространственным определениям. Сначала одни и те же слова употреблялись для обозначения пространства и времени, например, наречия места одинаково употреблялись и для обозначения времени: «здесь» и «теперь» выражались одним и тем же словом. Только впоследствии из пространственных определений возникают временные определения. Подобно тому, как в отношении пространства дифференциация между «здесь» и «там» происходит в результате осознания дистанции между двумя различными точками пространства, так и дифференциация различных моментов времени является результатом осознания различия между далеким и близким во времени⁵.

Мы видим, таким образом, существование глубокой связи между категориями времени и пространства. В основе обоих представлений лежит движение, выражающееся прежде всего, поскольку речь идет о человеческом познании, в деятельности человека в процессе производства.

¹ См. L. Geiger, *Ursprung und Entwicklung der menschlichen Sprache und Vernunft*, Bd. II, Stuttgart, 1872, стр. 149—150.

² См. H. Usener, *Götternamen*, Bonn, 1896, стр. 191—192.

³ См. E. Cassirer, указ. соч., стр. 164.

⁴ См. там же, стр. 164 и сл.

⁵ См. там же, стр. 166—168 и сл. Интересно отметить, что в словаре Я. и В. Гриммов (J. Grimm und W. Grimm, *Deutsches Wörterbuch*, Bd. VIII, Leipzig, 1893, стб. 276 и 281) указывается на первоначальное значение слова *Raum* «пространство» — *das freie Feld* «открытое поле, подлежащее возделыванию». В дальнейшем понятие «*Raum*» было перенесено на любую стоянку или местопребывание, где производилась какая-либо деятельность. Впоследствии тем же словом *Raum* обозначали и время.

В тесной генетической связи с развитием понятий времени и пространства стоит и категория каузальности, причинности. Восприятие каузальности, причины и следствия также возникло в процессе производства, в результате которого в сознании выделились орудия труда как причина. Здесь мы имеем трехчленный ряд: субъект, объект и опосредствующее орудие труда. «Труд есть, — говорит Маркс, — прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует (разрядка моя. — А. Д.), регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой... Воздействуя... на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в последней способности и подчиняет игру этих сил своей собственной власти»¹. В этих строках Маркса заключена большая глубина и в сущности основа всей его философии. Человеческое мышление, его способности пробуждаются в процессе производства, в процессе его воздействия на природу.

Моменты процесса труда суть: целесообразная деятельность, или самый труд, предмет труда и средства труда. Это трехчленное единство представляет собою диалектический закон, раскрывающий условия возможности господства человека над природой, над миром. Когда первобытный человек раскалывает найденный им орех камнем или рукой, то он получает наглядное представление о причине и действии, о взаимной связи этих трех членов — субъекта деятельности, орудия и объекта деятельности, а вместе с тем и о последовательности этих событий, изменений во времени: причина предшествует действию. Повторяемость этих актов деятельности впоследствии приводит человека к представлению о закономерной связи причины с действием, вообще к той мысли, что всякое изменение имеет свою причину, что в природе существует закономерность, т. е. определенные законы связи вещей и явлений. Таким образом, применение самых примитивных орудий труда порождает в человеческом сознании мысль о единстве трех членов связи; благодаря этому применению возникает категория причинности, являющаяся выражением деятельности человека, направленной на изменение природы.

История мышления дает богатый материал для установления того положения, что понятия, как общее правило, рождаются парами. «Никогда еще, — говорит Нуаре, — не возникало понятие в языке, которое одновременно не носило бы в себе свою противоположность и которое не породило бы ее уже одним своим возникновением»². В самом деле, понятие внутреннего одновременно рождается с понятием внешнего, понятие правого с понятием левого, понятие света с понятием тьмы, понятие покоя с понятием движения и т. д. Мало того, во всех языках многие слова первоначально имели два противоположных значения; два различных противоположных понятия мыслились вначале как единство. «Из всех эксцентричностей египетского лексикона, — пишет К. Абель, — самая поразительная та, что помимо слов, которые объединяют в себе противоположные значения, в этом лексиконе существуют другие составные или сложные слова, в которых два слова противоположных значений соединяются в одно сложное слово, которое имеет значение только одного из конституирующих его двух членов»³.

Абель приводит в доказательство выставленного им тезиса множество иллюстраций из различных языков — не только египетского, но и сан-

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1952, стр. 184—185.

² L. Noiré, Logos, Leipzig, 1885, стр. 301.

³ C. Abel, Ueber den Gegensinn der Urworte, 1884, стр. 11.

скритского, латинского, греческого, немецкого, арабского и др.¹ Он прямо характеризует египетский язык как «контрадикторный язык». Антитезы логических понятий, говорит Абель, не должны нас удивлять, так как понятия возникают из сравнения. Если бы всегда было светло, то мы бы не различали света и тьмы. Все на этой планете, подчеркивает он, относительно и имеет независимое существование лишь постольку, поскольку данная вещь отличается от других вещей и поскольку они рассматриваются во взаимной связи. Каждое понятие есть один из близнецов своей противоположности, и поэтому оно не может быть мыслимо иначе, как через сопоставление со своей противоположностью. Слова с противоположными значениями выясняют процесс становления понятий и языка в первобытные времена.

Человек не мог добыть свои простейшие понятия иначе, как путем выяснения данной стороны противоположности в ее отношении к другой своей противоположности. Только постепенно человек научился мыслить обе антитезы раздельно, и слова приобрели однозначный смысл. Абель приводит по этому вопросу мнение Тойблера из его работы «Опыт системы этимологии», которое интересно здесь воспроизвести: «Противоположности не возникают одна из другой, а одновременно и вместе из одного в самом себе полярного, основного значения, которое подобно электромагнитической сущности, только в этом раздвоении и имеет свое подлинное существование»².

Большой интерес представляет эволюция понятий, изменение их содержания, что находится в прямой связи с изменением и развитием общественных отношений и мировоззрения. Понятие «идеи», например, пережило на протяжении истории ряд метаморфоз. У Анаксагора, Демокрита и др. слово *idea* означает «образ, вид». У Платона оно приобретает значение предвечной формы или совершенного прообраза класса вещей, несовершенными копиями которого (прообраза) являются отдельные вещи этого же класса. У Плотина и Филона в эпоху падения античного мира «идея» становится первичной духовной сущностью, имеющей своим источником божественный дух.

Это значение термин «идея» сохранил в течение всех средних веков, т. е. вплоть до нового времени³.

У Локка «идея» означает простое представление. У Канта она уже является необходимым понятием разума, которому в реальном мире ничто не соответствует. У Гегеля «идея» есть абсолютная истина, единство понятия и его реальности. Разум, пишет Кант, сам создает себе объекты; поэтому каждое мыслящее существо имеет бога — идеальное существо, которое разум сам себе создает. Бог есть лишь чисто мысленная сущность, продукт человеческого разума, иначе говоря, чистейший вымысел, фикция. И если Кант все же утверждает, что такого рода идеи не являются пустыми, то только потому, что они имеют практическую (прибавим от себя, этическую — для господствующих классов) ценность. Но по суще-

¹ Например, в египетском языке *hek* означает «свет» и «тьма»; в лат. *altus* — «высокий» и «глубокий», *herus* — «господин» и «раб, подчиненный»; в англ. *down* — «вниз» и «гора»; в арабском *azim* — «сила» и «слабость»; *kullum* — «часть» и «целое»; *magtavinum* — «господин» и «раб».

² С. А b e l, указ. соч., стр. 33.

³ См. R. E u s e n, *Geschichte der philosophischen Terminologie*, Leipzig, 1879, стр. 199 и сл.

ству, чисто теоретически, как выявляет сам Кант, «идеи» суть не что иное как «*Dichtungen der Vernunft*», т. е. вымысел, фикция¹.

Г. Файгингер, философ «фикционализма», идя от Канта, считает в с е идеи, все отвлеченные и общие понятия фикциями, т. е. вымышленными, вымышленными, но имеющими практическую ценность². Атом, например, по мнению Файгингера, не реален, но в качестве фикции он имеет практическую ценность в области физики. То же самое относится и ко всем категориям мышления, являющимися, якобы, чистыми фикциями.

В тесной связи с эволюцией, сменой содержания понятий находится и происхождение терминов, их изменение, наполнение их другим содержанием в зависимости от изменения общественных отношений и логического состава научного мышления.

Первоначально слово *λέγω*, *λέγειν* означало «собирать вместе», «сосчитывать». Лат. *ratio* также имело значение счета, а потом уже разума. Постепенно термин *λόγος* приобретает значение речи. Это развитие понятия «логос» из более древнего значения «собирать», «сосчитывать» особенно заметно у Гомера, для которого *λέγειν* значит «сосчитывать слова»³. Слово *διалέγεσθαι*, от которого происходит слово *диалектика*, у Гомера означает сортировку, разборку некоего целого по противоположным признакам, на противоположные «пиды».

В отношении эволюции термина *λόγος* от *λέγειν* «сосчитывать» до значения речи надо еще подчеркнуть, что *λόγος* на какой-то промежуточной ступени означало не только «сказание», но и «мыслимая речь», а затем и «рассуждение». Отсюда уже не далек переход к употреблению термина в смысле логики. После Сократа, который считается мыслителем, открывшим отвлеченное логическое понятие, *λόγος* употребляется в значении «понятия». В результате ряда переворотов в общественных отношениях (на которых здесь останавливаться невозможно) *λόγος* (слово) в дальнейшем возводится в божество, как и само божество — в слово.

*

Многие упрочившиеся философские и научные термины весьма недавнего происхождения. Достаточно сказать, что термины, обозначающие логические противоположности — субъект и объект, введены в философию (после античности) только Дунс Скотом, причем в смысле, противоположном нынешнему пониманию: «объект» у него означал «субъект» (в нашем понимании), а под «субъектом» он понимал «объект». Так обстояло дело еще у Декарта и Спинозы. Существовать в представлении они обозначали словами *esse objectivum*; «существовать в действительности объективно» передавалось словами *esse subjectivum*, и только с первой половины XVIII в. термины «субъект» и «объект» поменялись местами и содержанием значения.

Историк логики Прантль указывает, что до XVIII века под субъективным понимали то, что относится к конкретным предметам мышления, т. е. к объектам, под объектами же понимали то, что относится к сфере представлений. Начиная с Лейбница, под субъектом стали понимать мыслящий дух (*Subjectum ou l'âme même*), и только Кант четко разграничил

¹ См. I. Kant, *Kritik der reinen Vernunft*, Bd. I, 9-e Aufl., Leipzig, 1906, стр. 512—540; см. также H. Vaihinger, *Die Philosophie des Als-ob*, 7—8 Aufl., Leipzig, 1922, стр. 709—710.

² H. Vaihinger, указ. соч. См. особенно главы: «Die abstrakten Begriffe als Fiktionen», «Die Allgemeinbegriffe als Fiktionen», стр. 383—412.

³ См. «*Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*», Bd XIII, 1 (Halbbd. XXV). Stuttgart, 1926, стр. 1035.

в интересах своей идеалистической философии эти термины в том же значении, в каком они сохранились до настоящего времени¹.

Следует отметить, что в средние века и в новое время вплоть до XVIII в. «субъект» (англ. *subject*, франц. *sujet*, итал. *soggetto*) означает «покоренный», «подчиненный», «нижний», «подданный» и в то же время «предмет», «логический объект». Специально в английском языке слово *subject* означало также «клеточек собственности». На основании этих соображений можно высказать предположение о существовании связи между философской категорией субъекта в значении объекта и социальной категорией субъекта как подчиненного объекта, как низшего в социальной иерархии средневековья. С развитием капитализма, после того как средневековая иерархия была разрушена и низшие сословия эмансипировались от власти дворянства и духовенства, по мере того как субъект — личность завоевала себе право гражданства, идеологи и философы буржуазии стали употреблять термин «субъект» в новом значении. Эти факты чрезвычайно важны для истории мысли, для характеристики ее тесной связи с развитием общественных отношений, а также для усвоения вопроса об отражении объективного мира в наших абстрактных логических категориях.

У Николая Кузнецкого мы впервые встречаем термины *complicatio* — *explicatio* «свертывание» и «развертывание». Развитие, точнее развертывание, называется у него часто словом *evolutio* (*cinea est puncti evolutio*). У Я. Бёме это понятие передается словом *Auswicklung*. Со второй половины XVIII в. термины «эволюция», «развитие» начинают применяться к реальному материальному миру, в то время как прежде *explicatio*, *evolutio*, *Auswicklung*, *Entwicklung* применялись лишь в области логического или математического доказательства определенных положений². Термин *revolutio* в астрономии означает вращение небесного тела вокруг своей оси или вокруг другого тела, например, движение или вращение земли вокруг солнца. Но *revolutio* означает и само время, в течение которого небесное тело совершает свой круговорот. *Revolutio* означало также определенный цикл или период времени — эпоху. Термин этот, употребляясь в смысле «оборота», приобрел также значение «поворота, изменения, крупного изменения». В то же время *revolutio* — *re-evolutio* означало в противоположность *evolutio* (поступательное движение) обратное, обратное движение. И, наконец, термин *revolutio* в общественной жизни стал употребляться в смысле переворота — насильственного насильственного насильственного правительства страны или разрушения существующего государственного или общественного строя классом, прежде угнетенным, в целях установления нового государственного и общественного порядка. Понятие революции в этом смысле связано с подъемом буржуазии, с развитием капитализма.

Анализ термина «класс» говорит о том, что классовая идеология родилась вместе с классовым обществом. Мы лишены возможности остановиться на этом вопросе более подробно. Но привести несколько разительных примеров считаем необходимым. Мы все употребляем термин «классический» в смысле совершенного образца. Но следует напомнить первоначальный смысл этого термина. Дело в том, что со времени образования и упрочения классового строя в древнем Риме термин *classicus* означал «классовый» в совершенно ином смысле: имелся в виду «первоклассный» как продукт первого, т. е. высшего класса, который противопоставлял себя низшим классам, в особенности пролетариям. Все, что касалось деятельности и было продуктом творчества этого класса, было уже *classicus* в

¹ См.: K. P r a n t l, Geschichte der Logik, Bd. III, Leipzig, 1927, стр. 208; R. Е u c k e n, указ. соч., стр. 185, 203—204.

² Ср. R. Е u c k e n, указ. соч., стр. 82, 187 и др.

смысле образцовости, совершенства, высшего качества. Так, у Геллия, Арнобия, отчасти у Плавта *classicus* противопоставлялся *proletarius*; у Геллия «классический» писатель противопоставлялся «пролетарскому» как малоценному уже в силу принадлежности писателя к низшему классу. Следовательно, *первоклассный писатель* означает «писатель, принадлежащий к аристократическому классу». Правда, уже в древности *classicus* употреблялся иногда в смысле «паразита», что очень характерно. Это определение естественно исходило от врагов господствующего класса. Только со времени Меланхтона (с 1519 г.) понятие «классический» приобрело современное значение «образцового, совершенного»¹. Меланхтон впервые употребил это выражение в новом понимании в издании Платарха.

*

Особый интерес представляет история терминов «социализм» и «коммунизм». Слова *socialismo*, *socialista*, *socializzare* впервые встречаются у итальянского духовного лица Джиакомо Дживлиани в его произведении «L'antisocialismo confutato» (изданном в 1803 г. в Виченце)². Однако слово *socialismo* имеет здесь не тот смысл, какой мы ему придаем ныне. Слово — то же, но понятие другое. В 1831 г. швейцарский пастор А. Вине напечатал статью под названием: «Catholicisme et socialisme» и выпустил в 1846 г. в Виченце книгу «Du socialisme considéré dans son principe»³. У этого автора *socialisme* означает собственно католицизм в смысле нераздельно универсальной церкви.

Прежде чем могла сложиться подлинная наука социализма, необходимо было сделать ряд опытов — «эскизов», если позволено так выразиться. К этим «эскизам», или первоначальным опытам построения социальной науки, относится система Фурье. Он ввел в употребление множество терминов, которые должны были выражать сущность его учения. Понятие, передаваемое словом, призвано выражать сущность явления. Слово непосредственно сливается, сращивается с понятием, отражая, таким образом, объективную истину. Целый мир идей заключается иногда в одном слове-понятии. Термины «социализм», «коммунизм» содержат в себе все богатство выражаемых ими идей. Для того чтобы слово отражало реальные события и отношения, чтобы оно приобрело подлинно научный характер, чтобы, скажем, слово *коммунизм* соответствовало научному определению несодержащую понятия «коммунизм», необходимо, чтобы само явление — в нашем случае социальная наука — достигло определенной ступени развития. В ходе развития науки одни термины отпадают, другие закрепляются и становятся прочным достоянием науки. Так, введенный Фурье термин «цивилизация» (от лат. *civilis*) привился и стал прочным достоянием как науки, так и нашей культуры вообще. Но такие термины,

¹ См.: «Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft», Bd. III, 2 (Halbbd. VI), Stuttgart, 1899, стб. 2629—2649; K. E. Georges, Ausführliches lateinisch-deutsches Handwörterbuch, Bd. I, Leipzig, 1879, стб. 1117; «Avli Gellii Noctium Atticarum Libri XX», Vlerlingo, 1741: lib. XIX; VIII, 15; J. A. H. Murray. A new English dictionary on historical principles, vol. II, Oxford, 1893, стб. 466. Он пишет: «...but he who was in the highest was said emphatically to be of the class, «classicus»; см. также словарь Я. и В. Гриммов (J. Grimm und W. Grimm, Deutsches Wörterbuch, Bd. V, Leipzig, 1873, стб. 1005—1006), где само слово *klasse* выводится филологически из понятия трещины (*Spalt*) («расколоть пополам», «общество раскололось на классы»).

² См. C. Grünberg, Der Ursprung der Worte «Sozialismus» und «Sozialist», «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung», Bd. II, Leipzig, 1912, стр. 373.

³ Там же, стр. 374.

как «гарантизм», «социантизм», «гармонизм», «сериизм», «унитизм» и т. п., не привились. Это объясняется тем, что объективные явления, которые должны были выражать, согласно учению Фурье, эти термины, не получили права гражданства, т. е. не удовлетворили развившуюся научную мысль.

Для того чтобы выразить содержание того явления, которое носит название «социализм» (выяснение содержания явления обычно предшествует точному научному наименованию), употреблялись разные слова, как, например, *association* (индивидуализму противопоставлялась «ассоциация» в духе Сен-Симона).

Термин «социалист» (от лат. *socialis, societas*) в современном значении впервые был введен оуэнистами в 1827 г. в статье, напечатанной в «Co-operative Magazine» в Лондоне. Отсюда соответствующее слово перекочевало во Францию. Первый, кто употребил его во Франции, был П. Леру. Это произошло только через шесть лет. В 1833 г. он поместил в своем «Энциклопедическом обозрении» статью под названием «De l'individualisme et du socialisme». В этой же статье была сделана первая попытка определения «социализма». Правда, слова *socialisme* и *socialisation* во французских периодических изданиях встречались уже в 1831 г., но они прошли незамеченными и никакого влияния на науку не оказали.

Таким образом, термин «социализм» введен французами (в указанной статье П. Леру). В английской печати этот термин впервые появился в 1837 г. в оуэновском «New Moral World». С этого времени термины «социализм», «социалист» и производные «социализация», «социалистический» и пр. стали общеупотребительными. В Германии термин «социалист» впервые был употреблен в 1840 г. публицистом Хуроа, а «социализм» — в 1842 г.

Термины «коммунист» и «коммунизм» (из лат. *communis, communitas*) также имеют свою историю. В той же статье английского журнала, в которой впервые было употреблено слово *socialist*, встречается слово *communist*. Раньше для выражения понятия «общественная собственность», «общность» и т. д. существовало множество слов, как, например: *community, commonolity, communouté*, а также производное от них *communautaire* и т. п.

Во Франции в 1840 г. Т. Дезами основал периодический орган под названием «Le Communautaire». Однако в первом же номере журнала напечатана была статья Э. Кабе под названием «Le démocrate devenu communiste, malgré lui». Надо сказать, что введен был термин «коммунист» участниками тайных революционных коммунистических организаций в 1840 г., а не теми или иными учеными. Это обстоятельство доказывает, что научная терминология развивается и подвергается тем или иным изменениям в связи с развитием соответствующего явления.

В том же 1840 г. Дезами со своими товарищами опубликовали памфлет под названием «Premier banquet communist le 1er juillet 1840». Однако термин *communautaire* продолжал еще фигурировать наряду с термином *communiste* в течение двух или трех лет, после чего окончательно исчез¹.

Любопытно, что в Англию новую коммунистическую терминологию привез из Франции Дж. Бармби (Barbby), командированный в июне 1840 г. Робертом Оуэном в Париж. Как раз к тому времени там были введены новые термины. В своих письмах для публикации в «New Moral World» Бармби употребляет вместо принятых ранее в Англии терминов *communitarianism* и *communitary—communism* и *communist*². После воз-

¹ См. А. Е. Вестор, The evolution of the socialist vocabulary, «Journal of the history of ideas», vol. IX, № 3, 1948, стр. 279—280.

² Там же, стр. 280.

вращения в Англию он разошелся с оуэнистами и стал работать с другими группами «коммунитарпанского» направления, что повлекло за собой введение им новых терминов, вроде *communitive*, *communiforium*, *communitization*. Однако новые термины *communism* и *communist*, как говорит Бестор, стали употребляться даже степенной «*Times*».

Что касается Германии, то с 1842 г. в употреблении находятся только слова, производные от слова *communist* (*communismus*, *communistisch*, *communisten*). В Америке были в употреблении слова *communistist* (вместо *communist*) и *communitist* вместо *communist*, но эти термины скоро исчезли из употребления. Слово *communism* впервые в Америке было употреблено в 1843 г. в журнале «*Perfectionist*» (в номере от 15 июля).

Термин «пролетариат» не нов; наоборот, он известен с древних времен. Но специфическое современное значение этого термина восходит только к тридцатым-сороковым годам XIX в. Оно идет из Франции, где слово *prolétarisme* впервые появилось в «*Journal des Débats*» в 1831 г., а слово *prolétariat* — в 1836 г.

Мы видим, что научная терминология тесно связана с теми явлениями (и их развитием), которые должны получить свое выражение в слове и понятии. Такие термины, как «социализм», «социалист» или «коммунизм» и «коммунист», не возникли сразу, а потребовали предварительно длительного развития общественных отношений и логического состава научного мышления. Окончательную научную формулировку получили эти понятия («социализм», «коммунизм», «пролетарий» и др.) в научном социализме Маркса — Энгельса, и с тех пор они настолько прочно вошли в научный обиход и даже в современный быт, что о каких-либо изменениях в этой области и речи не может быть. Объясняется это тем, что понятия научного социализма строго соответствуют объективному содержанию отражаемых и выражаемых ими явлений. Следует твердо помнить, что научный термин — не просто слово, а выражение сущности данного явления. Поэтому необходимо заботиться о кристальной ясности и определенности терминологии, поскольку она представляет собою сущность самих объективных явлений, сущность самой науки.
